

**Сидоров Анатолий Станиславович,
доцент кафедры уголовного права и процесса
Институт государства и права Тюменского
государственного университета, кандидат
юридических наук, доцент, адвокат Тюменской
межрегиональной коллегии адвокатов**

О ТВОРЧЕСКОМ И НЕКОНСТРУКТИВНОМ ПОХОДЕ К РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Постоянное участие автора данной статьи в качестве защитника в следственных действиях при расследовании различных категорий уголовных дел, знакомство с материалами уголовных дел, и дальнейшем рассмотрении этих дел в судах позволило обобщить результаты некоторых наблюдений за деятельностью следователей, с которыми и хотелось бы поделиться.

При этом, внимания заслуживает как творческий поход к расследованию преступлений в качестве положительного опыта, так и противоположный, связанный с множеством тактических и методических ошибок, допущенных следователями при исполнении своих функциональных обязанностей.

Итак, начнем с положительных моментов.

Л. обвинялась в хищении бюджетных средств в составе организованной группы лиц, даче взятки налоговому инспектору и совершении ряда других преступлений экономической направленности. Поскольку обвиняемая отрицала исполнение подписи своей рукой за директора предприятия, которое она обслуживала по договору оказания услуг, следователь принял решение назначить почерковедческую экспертизу.

Известно, что проведению подобной экспертизы предшествует проведение такого следственного действия, как получение образцов почерка предполагаемого исполнителя подписи для сравнительного исследования. Однако обвиняемая категорически отказалась представлять соответствующие образцы, сославшись на то, что она «не может писать, т.к. у нее болит рука».

Таким образом, получить экспериментальные образцы почерка у нее не представилось возможным.

Однако впоследствии указанная экспертиза была все же проведена, а ее выводы однозначно подтвердили версию следователя о том, что в бухгалтерских документах подпись руководителя предприятия выполнена рукой обвиняемой. Это стало возможным потому, что в качестве условно-свободных образцов на экспертизу были представлены многочисленные протоколы следственных действий, где имелись подписи Л., сделанные ею собственноручно.

Еще один положительный момент по этому же делу связан с проведением такого следственного действия, как очная ставка.

В соответствии со ст. 192 Уголовно-процессуального кодекса РФ следователь вправе провести данное следственное действие при наличии двух условий:

1) лица, между которыми проводится очная ставка, должны быть ранее допрошены;

2) в их показаниях имеются существенные противоречия.

В рассматриваемом же случае в ходе допроса обвиняемой она отказалась от дачи показаний, основывая свой отказ на положениях ст. 51 Конституции Российской Федерации. Таким образом, поскольку от Л. не было получено никаких сведений об ее участии либо участии других лиц в преступлении, ни о каких противоречиях в показаниях речи не было.

Однако следователь из тактических соображений с целью изобличения обвиняемой все-таки решил провести очные ставки между ней и другими лицами, которые ранее дали признательные показания о совершении преступлений в соучастии с Л.

В ходе трех очных ставок, после того, как другие обвиняемые – участники следственного действия, повторили в присутствии Л. свои признательные показания, упомянув и об ее участии в преступлениях, она, в свою очередь, не высказывая своего отношения к их показаниям, вновь отказалась от дачи показаний. Однако во время четвертой очной ставки она все-таки не выдержала нервного напряжения, создавшегося в результате наступательных действий следователя, и «сдалась», подтвердив показания всех предыдущих допрошенных и свое участие в преступлениях.

Таким образом, активность и целеустремленность следователя наряду с правильно выбранными и проведенными тактическими приемами в ходе проведения следственных действий, сыграли положительную роль в достижении необходимого результата расследования уголовного дела.

Такой подход к своему делу без всяких сомнений свидетельствует о высоком профессионализме следователя.

Вместе с тем, встречаются и противоположные случаи, когда можно говорить о «примитивном» подходе следователей к расследованию уголовных дел. Речь идет о том, что указанные должностные лица не только не применяют научно разработанных криминалистических рекомендаций при производстве следственных действий (либо по незнанию, либо по нежеланию), но и нарушают требования уголовно-процессуального законодательства. Как правило, результатом такого отношения к делу являются ходатайства защитников обвиняемых о признании полученных доказательств недопустимыми.

Для примера рассмотрим некоторые моменты, связанные с одним из последних уголовных дел, в котором мне довелось участвовать в качестве защитника подсудимого А., обвиняемого в убийстве одного человека и покушении на убийства еще двух.

В материалах дела имеются исследованные судом протоколы предъявления А. для опознания двум выжившим потерпевшим (назовем их Б. и Г.).

В отношении обоих протоколов мной были заявлены ходатайства об исключении их из перечня доказательств. Для этого имелись следующие основания.

В соответствии со статьей 193 Уголовно-процессуального кодекса РФ опознающие предварительно допрашиваются не только об обстоятельствах, при которых они видели предъявленное для опознания лицо, но и о приметах и особенностях, по которым они могут его опознать. Если опознающий указал на одно из представленных ему лиц, то опознающему предлагается объяснить, по каким приметам и особенностям он опознал данное лицо.

Здесь следует заметить, что, говоря о приметах и особенностях опознаваемого, законодатель, вероятнее всего, имел в виду признаки анатомических элементов внешности этого лица (причем, относящиеся согласно терминологии, используемой в криминалистической габитоскопии, к собственным – неотъемлемо принадлежащих человеку) и позволяющих идентифицировать его по этим признакам внешности.

В рассматриваемом случае предварительно допрошенный потерпевший Б. с уверенностью заявил, что сможет опознать человека, нанесшего ему удар ножом, «по лицу и волосам». Однако в ходе опознания, вместо обвиняемого А. он, как на человека, совершившего преступление, указал на одного из статистов.

Не смотря на то, что доказательственное значение предъявления для опознания было утеряно, следователь, чтобы «исправить положение» сразу же после неудавшегося опознания зачем-то еще раз допросил Б., из показаний которого уже следовало: «Я не опознал А., так как ранее у него были длинные волосы».

Но даже если бы при указанных обстоятельствах Б. опознал А., как преступника, у стороны защиты все-равно появился бы повод заявить ходатайство о признании состоявшегося опознания (протокола предъявления для опознания) недопустимым доказательством, поскольку «лицо и волосы» - это не приметы и особенности. Это элементы внешности, которые присущи любому человеку, а не идентифицирующие его признаки.

Конечно, вины потерпевшего в том, что он не назвал примет и особенностей, по которым мог бы опознать другого человека, нет. Он не изучал криминалистику, не обладает познаниями в такой области криминалистической техники, как габитоскопия. А вот следователь по роду своей профессиональной деятельности, в отличие от потерпевшего, должен обладать такими познаниями и применять их на практике. И он обязан был в ходе допроса выяснить у потерпевшего, что такого «особенного» ему запомнилось в лице или волосах (прическе) лица, которое он намерен опознать.

Второму потерпевшему Г. обвиняемый А. предъявлялся по фотографии. В этом случае основанием для признания результата опознания недопустимым доказательством явилось то, что Г. вообще предварительно перед опознанием не допрашивался, а протоколе предъявления для познания также нет упоминаний ни о каких приметах и особенностях, по которым он опознал А., как лицо, причинившее ему телесные повреждения.

И на этот раз следователем допущено нарушение требований уголовно-процессуального закона. Он не мог не знать, что в соответствии со ст. 75 УПК РФ «доказательства, полученные с нарушением требований настоящего Кодекса, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных статьей 73 настоящего Кодекса».

Как показывает практика, нарушения следователями требований, предъявляемых к предъявлению для опознания, установленным законодателем, не единичны. Только в моей практике результаты данного следственного действия неоднократно либо признавались судами недопустимыми доказательствами, либо уголовные дела (уголовное преследование) прекращались на досудебной стадии

потому, что при их производстве были допущены нарушения, аналогичные рассмотренным выше.

О ненадлежащем качестве уголовного дела по обвинению А. в убийстве и покушениях на убийства свидетельствуют и результаты допросов свидетелей.

К слову сказать, стороной обвинения вызову в суд были заявлены свидетели в количестве 31 человека, ни один из которых в судебное заседание по вызову не явился. С согласия сторон суд огласил их показания, в результате чего выяснилось следующее.

Ни один из свидетелей не был очевидцем преступления. В показаниях одних значилось: «Кто-то сказал, что порезали пассажиров, и я понял, что это мог сделать А.» В связи с невозможностью допроса данных свидетелей источник их осведомленности остался не выясненным. В частности, не было установлено, кто именно им сказал, что порезали пассажиров, и на чем основаны их выводы о том, что это мог сделать именно А.

В соответствии с вышеупомянутой ст. 75 УПК РФ «показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности» относятся к недопустимым доказательствам.

Другие свидетели ссылались лишь на потерпевшего Г., как на источник своей информированности о том, что преступление в отношении него совершил А. Однако, как выяснилось, сам Г. узнал фамилию А. гораздо позже, чем якобы об этом слышали от него свидетели. Данные противоречия в показаниях также не были судом устранены в связи с невозможностью допроса данных свидетелей в суде. А в соответствии с принципом презумпции невиновности, все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, предусмотренном УПК РФ, толкуются в пользу обвиняемого.

Возникает вопрос: неужели следователь еще на стадии досудебного производства не мог устранить эти противоречия или конкретизировать источники информации свидетелей, допросив их более подробно?

В защитительной речи по данному делу мной было обращено внимание суда и на другие «недоработки» и «просчеты» следователя.

Так, например, в ходе осмотра места происшествия был обнаружен нож, которым, по мнению стороны обвинения, были причинены телесные повреждения потерпевшим. Однако по каким-то неизвестным причинам этот нож не был предъявлен для опознания ни потерпевшим, ни свидетелям. Не была назначена медико-криминалистическая экспертиза с целью ответа на вопрос: «Этим ли ножом причинены телесные повреждения потерпевшим?». Также не была проведена и биологическая экспертиза с целью установления крови потерпевших на указанном ноже.

И, кроме того, обвиняемый А., который, по мнению стороны обвинения, совершил указанное преступление, не был предъявлен для опознания ни одному из свидетелей.

Таким образом, мы сравнили качественный подход следователей к расследованию уголовных дел. И если в первом случае можно только восхищаться профессионализмом следователя и ставить в пример другим его коллегам, то о следователе по второму уголовному делу, к сожалению этого сделать нельзя.

Почему так происходит? Может быть, второй следователь недостаточно опытен?

Отнюдь. Оба занимают должности старших следователей по особо важным делам, оба имеют примерно одинаковый опыт работы по специальности.

Может быть, я не прав, но на самом деле проблема видится мне в следующем.

Поскольку я, кроме преподавания криминалистики и некоторых смежных дисциплин, занимаюсь еще и адвокатской деятельностью, мне довольно часто приходится встречаться со следователями – бывшими студентами и наблюдать за их работой. К сожалению, среди них, по моему мнению, оказываются не самые лучшие по уровню полученных во время обучения знаний, в том числе по уголовному процессу и криминалистике. Таким образом, первая проблема видится в некачественном отборе кадров для работы следователями.

Вторая, не менее важная проблема заключается в том, что руководители следственных подразделений, прокуроры и даже судьи, не всегда должным образом контролируют и надзирают за деятельностью следователя с целью недопущения нарушений уголовно-процессуального законодательства и ошибок в ходе расследования уголовного дела с его стороны. Вместо того чтобы обязывать следователя своевременно исправлять выявленные нарушения, они, наоборот, стараются прикрыть очевидные его недоработки (по всей видимости, «в погоне» за так называемой раскрываемостью преступлений). Таким образом, преследуя свой ведомственный интерес они, по сути, сами нарушают принцип законности при производстве по уголовному делу, а также права и интересы других участников уголовного процесса.

И чтобы не быть голословным, в заключении приведу выдержку из определения суда об отказе в удовлетворении ходатайства стороны защиты о признании недопустимым протокола предъявления для опознания обвиняемого А. потерпевшему Б. по второму рассмотренному выше примеру расследования уголовного дела.

В нем, в частности, судья пришел к следующему выводу: «...Судом установлено, что опознание А. проведено в соответствии с требованиями ст. 193 УПК РФ. Причины отрицательного результата опознания подробно изложены в последующих показаниях потерпевшего Б. и, по мнению суда, не свидетельствуют о допущенных нарушениях, а напротив, подчеркивают соблюдение законности при проведении данного следственного действия».

Таким образом, пока названные проблемы не будут разрешены, качества расследования преступлений в обозримом будущем, ожидать, по всей видимости, не стоит.